

— Ты, Эльвис, тогда только хороший, когда спишь. В кровати ты мальчик как мальчик.

Хорошо бы сейчас уснуть: тогда не пришлось бы вот так сидеть в кровати и ждать. Не очень-то это весело. Всё воскресенье пропадёт. А ведь воскресенье могло быть самым что ни на есть весёлым днём. Выбраться бы только из спальни так, чтобы не разбудить родителей. Тогда до самого обеда делай что хочешь.

Но он не смеет даже пробовать. Если он их разбудит, ему попадёт. После этих самых отключений папа с мамой всегда сердитые.

У мамы очень чуткий сон. Стоит только спустить одну ногу на пол, и мама проснётся. И сразу же залает на кухне Сессан, как только слышит мамин голос, и тут, уж конечно, проснётся и папа и начнёт всех ругать.

«Почему в этом доме никогда не дадут человеку выспаться?!» — закричит он.

Тогда дело плохо. Весь день будет испорчен.

Так что сиди и жди.

Опять жди...

Эльвис листает мамин журнал. В нём одни взрослые сфотографированы, детей совсем нет. Один ребёнок на весь журнал, да и тот ненастоящий. Дедушка тоже это заметил. Ребёнок тут только для полноты картины, сказал он. Чтобы мамочка его показалась ещё милей с младенцем на руках. А вовсе не для того, чтобы показать людям ребёнка.

Но Эльвис даже и для этого не годится: если его сфотографируют вместе с мамой, мама от этого ничуть не выиграет. Мама всегда прогоняет его, когда её снимают: уж очень плохо он выходит на снимках.

А ему всё равно.

Эльвис берёт чёрный мелок и в журнале, там, где лица, всюду рисует чёрные квадраты. Только ребёнку он оставляет лицо. Да ещё подрисовывает ему глаза, чтобы они казались побольше и ребёнок мог лучше ими видеть.

Ой, а вдруг мама рассердится, что он испортил журнал?..

«Всё это мне за грехи мои», — обычно говорит она.

Она думает, что он послан ей в наказание за что-

то такое, что она сделала когда-то давно-давно, задолго до его появления на свет. Так вот всегда думаешь, когда напраказничаешь, а потом вдруг стукнешься обо что-нибудь...

Когда тебя наказывают, это больно. Как-то раз Эльвис скакал на кухонном диване и проломил его и за это в наказание сам стукнул себя по ноге. А когда мама родила его, ей тоже было очень больно. И мама сказала, что никогда в жизни больше не хочет иметь детей. Как-то раз она кому-то так сказала по телефону. Хватит с неё Эльвиса, сказала она.

Не очень-то приятно знать, что ты послан кому-то в наказание. Хотя теперь Эльвис уже не так сильно из-за этого расстраивается, как прежде. Слишком часто он это слышит.

А вообще неплохо бы узнать, кто это придумал его — Эльвиса. На этот вопрос ему почему-то всегда отвечают по-разному. Мама иногда говорит, что это она сама виновата, глупая, мол, была. А иногда говорит: «Это всё твой папа...» Вот тут уж Эльвис удивился. Папа всегда только всё для дела придумывает. Очень ему нужен такой Эльвис, который даже в футбол не умеет играть.

Но как-то раз мама сказала другое. Она сказала, что это бог дал ей Эльвиса. Тут Эльвис испугался не на шутку, потому что хуже нет наказаний, чем те, что насылают бог. Это он видел по телевизору. Войны и всевозможные беды — все это посылает бог. Всякий раз, когда по телевидению показывают что-нибудь страшное, мама говорит, что это бог хотел покарать людей. И бабушка то же самое говорит. Так что если это бог послал маме Эльвиса, тогда, конечно, дело плохо. Тогда маму и вправду стоит пожалеть.

— Да, это ужасно,— сказал он как-то раз, когда мама жаловалась на него.

Эльвис сказал это, чтобы, как говорит папа, поддержать разговор. Но тут мама влепила ему звонкую пощёчину, и Эльвису пришлось дать ей сдачи. Выходит, утешать маму тоже не разрешается. Прямо не знаешь, что и делать.

— Ты ударил свою мать? — произнёс папа скорбным тоном, когда мама всё ему рассказала. Вообще-то он ни-

когда не называет маму «матерью». Только когда Эльвис отбивается от неё.

Бывают дети, которые сносят побои и не дают сдачи родителям. Они просто плачут. А Эльвис не плачет: он отбивается. Ему очень стыдно, чуть только он занесёт руку, но он не может сдержаться.

Нет хуже позора для ребёнка, чем ударить свою мать. Эльвис понимает это.

Мамы могут бить своих детей, но дети не могут дать им сдачи. Тогда «мама» сразу превращается в «мать», и вообще нет худшего позора...

А вот дедушка говорит, что дети должны защищаться. И если мама сама дерётся — пусть терпит. Но ведь это дедушка так считает... А маму нисколько не интересует, что считает дедушка.

Мама слушается только своих подруг, всех этих тёток, с которыми каждый день болтает по телефону: Маю, Карин и Ингрид. Что бы они ни сказали — для неё это закон. И она всё рассказывает им про Эльвиса. И они всё время толкуют о воспитании детей. Хотя дети у этих тёток не такие плохие, как Эльвис, просто такие, как все дети.

Один Эльвис не такой, как все. Он конченный человек. Его ничему не научишь. Хотя он уже сколько раз просил у мамы прощения. Чуть ли не за все глупости, которые когда-либо натворил в своей жизни. Пока не попросишь прощения, мама не успокоится.

И то правда, что иногда он очень плохо себя ведёт.

Только вот что странно и совсем непонятно: иногда Эльвис ведёт себя хуже некуда, а мама вдруг становится доброй, как никогда раньше. Он думает: вот сейчас как влепит затрещину! А мама вместо этого вдруг даёт ему денег на мороженое. Будто и не замечает, что он вытворял.

А другой раз вдруг схватишь колотушки совсем ни за что ни про что.

Ничего тут не поймёшь.

Правда, когда мама такая добрая, Эльвис очень жалеет, что послан ей в наказание.

...Опять Эльвис глядит на спящих папу и маму. Никто даже не шевельнётся. Хоть бы папе захотелось в уборную, что ли!

Бывает, папа встаёт и идёт в уборную. Тут самое время схватить свои вещи, юркнуть из спальни в коридор и спрятаться где-нибудь. Обычно это удаётся: папа чуть ли не спит на ходу и ничего не видит. Он возвращается в спальню и тут же опять ложится в кровать. А мама не просыпается. И не замечает, что Эльвис сбежал. А когда Сессан начинает лаять на кухне, мама думает, это потому, что выходил папа. Вот повезло! Можно хоть полдня гулять, пока мама наконец не высунется в окно и не позовёт тебя.

Но сегодня Эльвису не везёт.

Даже телефон и тот не звонит. Может, они его выключили? А то ведь, бывает, их будит телефон. Правда, иногда это не к добру. Родители сердятся и начинают спорить, кому взять трубку. А вообще-то, мамини подруги, телефонные тётеньки, знают, что по воскресеньям папа дома, и обычно в этот день они редко звонят.

Наверно, сегодня нет даже футбольного матча, на который папа мог бы сходить. Единственный прок от футбола — из-за него в воскресенье папа хоть иногда встанет пораньше.

Папа играет в футбол. Он пытался увлечь футболом и сына. Эльвис ходил с ним на матчи: и когда папа сам участвовал в них, и когда он сидел на трибуне. Папа всякий раз объяснял Эльвису игру и самого Эльвиса учил играть. Он даже обещал купить ему футбольный мяч, если он будет стараться. Но ничего из этого не вышло. Эльвис не полюбил футбола.

— Наверно, он ещё мал,— сказала мама.

Но папа сказал, что его самого уже считали многообещающим игроком, когда ему было столько лет, сколько сейчас Эльвису. Он ещё в школу не ходил, а уже был многообещающим. А про Эльвиса никак этого не скажешь.

— Из нашего парня футболиста не выйдет,— говорит папа.

И по голосу слышно, как ему это досадно.

Папа всегда следит за спортивной жизнью: по газетам,

по радио и телевидению. Мама в такие минуты никогда ему не мешает. И Элвис тоже. Оба понимают, что спорт — важное дело.

В последнее время папа заставляет Элвиса сидеть у телевизора вместе с ним, когда показывают спортивную программу. Папа думает: вдруг Элвису полюбится какой-нибудь другой вид спорта? И он подробно объясняет ему всё, что творится на экране. Элвис слушает и отвечает «да» и «нет», стараясь не попасть впросак. Но до сих пор они ещё не подобрали для него подходящий вид спорта.

— Из этого парня спортсмена не выйдет,— говорит папа.— Да и выйдет ли из него хоть что-нибудь? Может, он вообще ни на что не годен.

В папиных словах звучит горечь. Тогда, чтобы утешить папу, мама вдруг сама начинает проявлять интерес к спорту, но этим дела не поправишь. Когда показывают хоккей, мама хвалит Седертелье, при том, что весь сезон фаворитом слыл Брюнес!

— Понятно теперь, в кого парень пошёл! — говорит папа.

Он, конечно, намекает на маму. Элвис потому такой глупый и никудышный, что пошёл в маму, а не в папу — вот он на что намекает. А маме, конечно, обидно, она-то хотела утешить папу. Дальше — больше... Да... когда папа занимается спортивным воспитанием сына, дело всегда кончается ссорой.

Правда, теперь папа, кажется, уже сдался. Он больше не возлагает на Элвиса никаких надежд. Но тут ничего не поделаешь. Спорт — не очень-то приятная штука. А сами спортсмены всегда потные и сердитые, они все только разбегаются в разные стороны и совсем не интересуются друг другом.

А всё равно жалко папу: он же старался изо всех сил. Элвис знает, как обидно, когда ты стараешься изо всех сил, а у тебя ничего не выходит.

Как-то раз Элвис посадил в горшок апельсиновое зёрнышко. Он поливал его несколько месяцев подряд и ждал. Но ростка не было.

— Зёрнышко негодное! — сказала мама и выбросила всё

в мусорное ведро.— Вот, видишь, и с негодными людьми то же самое.

Да, уж, видно, так оно и есть...

Эльвис опять посмотрел на папу и маму. Наверно, они никогда не проснутся!

Не слышат они, что ли, звуков с улицы? Дети там бегают, играют! Люди проходят мимо дома, весело болтают друг с другом. Хлопают дверцы автомашин. Дети кидают мяч об стенку дома... Нет, видно, родители вчера очень устали...

Все другие люди уже проснулись. Только родители Эльвиса спят. Будильник у них на тумбочке всё тикает, тикает. И если прислушаться... тикают ещё и папины ручные часы. И мамины тоже. Это время тикает и тает... Часы идут...

И вот — наконец-то зевает мама. Эльвис, сжавшись всем телом, прислушивается. Опять тишина. Неужели опять заснёт?

Нет, ещё зевок, за ним — вздох. Хорошо! Значит, мама уже проснулась. Она просто лежит и потягивается.

Эльвис сидит не шевелясь и смотрит на маму. И ни слова не говорит.

Надо, чтобы сегодняшний день хорошо начался для всех.

Мама вдруг садится в постели и смотрит на Эльвиса.

— Ты что, не спишь? — спрашивает она.

Он кивает в ответ. Мама потягивается, снова зевает.

— Ну, чего ты всё глядишь? Жалко тебе, что мы спим? — говорит она. Но кажется, она не сердится, просто она ещё сонная.

Тут Эльвис соскакивает на пол.

Воскресный день начался.

2

Семья сидела за завтраком.

Когда Эльвис встал из-за стола, мама сказала:

— Сейчас мы поедem на дачу, так что смотри — никуда не пропадай.

— А я лучше останусь дома,— осторожно проговорил Эльвис.

Папа поднял глаза от газеты:

— Это ещё что за глупости? Поедешь с нами. Понял?

— Я просто хотел...— начал Эльвис.

— Ты слышал, что сказал отец? — оборвала его мама.

После завтрака, значит, все едут на дачу. Это маленький домик в нескольких километрах от города. Там, за городом, хорошо, и Эльвис обычно охотно туда едет. Но в нынешнем году они редко ездят на дачу — мама не хочет. Там нет удобств, говорит она. К тому же соседи, с которыми она в дружбе, летом собираются в Италию и поэтому очень важничают. Они всё время хвастают, только о поездке и говорят, и мама не хочет с ними встречаться. А папе лучше наработать побольше сверхурочных, чтобы им с мамой тоже можно было куда-нибудь съездить и потом уже не стыдиться соседей.

Так и получилось, что Эльвису в этом году особенно нечем заняться на даче. Он перенёс все свои дела в город. Вообще-то ему всё равно, где бы ни быть, только бы не мешали ему заниматься своим делом. Он из тех, кто заранее размечает свой день, хотя все по мере сил и пытаются ему в этом помешать.

В машине Эльвис обдумывает, что он будет делать на даче. Хорошо бы день не совсем пропал!

В городе всегда нужны цветы. Может, ему собрать немного семян, а потом посадить в каком-нибудь парке, чтобы там выросли цветы? А то ведь чаще всего там одна трава, да и ту ещё надо полоть.

А что, неплохая мысль.

Погода стоит прекрасная. Наверно, весь день будет погожий.

На даче все сели пить кофе в саду. Мама вроде повеселела, но папа по-прежнему угрюм. Трава на участке так вымахала, что папе придётся её косить, а потом подстригать газон. На другой день от этого ноет всё тело. Но папа обещал маме привести в порядок газон — значит, хочешь не хочешь, а делай. Иначе некрасиво будет, ведь соседи давно подстригли свой.

После кофе Эльвис бежит на лужайку.

К лужайке с цветами надо идти рощей. Рощица эта небольшая и очень удачно расположена, как раз между Эльвисом, с одной стороны, и его мамой с папой — с другой. Так вот они друг другу не помешают.

Но сегодня со сбором семян что-то не клеится. То и дело Эльвису попадают букашки, которых надо выручать. Повезло им, что он сюда пришёл, не то многим бы совсем пропасть. Они неуклюже выползают из цветков и запутываются в паутине, мёд и тот не умеют как следует искать...

Букашки совсем не так ловко разбираются в цветах, как думают люди. И не всегда знают, куда им ползти, а может, просто они глупые. Так или иначе, они рады всякой помощи.

Вот, к примеру, два муравья перебираются на новую квартиру. Как бы они справились с этим, не будь рядом Эльвиса? Муравьи вот-вот надорвутся, такая у них тяжёлая ноша. Да только сами не знают, куда они её тащат.

Кругом много маленьких муравейников, наверное, всё новые поселения. Первым делом, значит, надо узнать, к какому из муравейников держат путь эти двое. Но муравьи только мечутся туда-сюда и ничего не могут решить. В конце концов Эльвис решает за них.

А после надо смотреть, чтобы муравьи не ползли так быстро, не то они выбьются из сил. Один муравей и без того всё отстаёт...

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась куча других муравьёв, и они стали отнимать ношу у тех двоих. Завязалась драка. Как теперь узнаешь, где законный хозяин ноши? Тут нужно большое терпение, но у Эльвиса оно есть.

За работой он не заметил, как пробежало время. Мама уже несколько раз звала его. Но ничего, подождут. Сейчас их черёд ждать. Хотя, конечно, они могут и разозлиться. Они не любят ждать. Сам Эльвис тоже не любит. Но он привык. Взять, к примеру, любое воскресное утро или когда мама болтает по телефону. Или ещё когда смотрят эти скучные телевизионные передачи. И Эльвис всегда терпеливо ждёт. А теперь пусть папа с мамой потерпят. Это только справедливо будет.

Солнце припекает, букашки весело жужжат.

Вдруг Эльвис чувствует, что он уже не один.

Рядом кто-то есть. Кто-то смотрит на него, он это чувствует.

Хотя ничего не слышно. И не видно никого.

Всё равно. Он знает, что рядом кто-то есть. Кто же это?

Всё внутри Эльвиса натянуто, как струна, но ему не страшно. Просто он настороже. Он медленно поворачивает голову то вправо, то влево.

Никого...

Никого.

Однако он всё время чувствует на себе чей-то взгляд.

Чуть погода из-за куста высовывается голова. И Эльвис видит зелёные глаза зверька. Эльвис и зверёк глядят друг на друга, не отводя взгляда, не мигая.

Сердце Эльвиса громко стучит. Это ведь не чужие глаза. Он их узнал. Он очень даже хорошо знает их. Он видел их, когда они ещё даже по-настоящему не раскрывались, — эти крохотные щели, за которыми прятался сон, и после он видел их, когда они стали похожи на ягоду-голубику. А потом они сделались серые — он и это помнит, а под конец — зелёные. И он очень гордился тем, что они зелёные, а не жёлтые, как у большинства взрослых кошек. Мордочка, на которой горят зелёные глаза, — вся белая, только над левым глазом — красивое бурое пятно. Ушки тоже бурые, острые. А лапки — тёмные, особенно внизу. Но всё тельце кошки белое как снег. Большой пушистый хвост стоит торчком и сверкает на солнце. Хвост тоже весь коричневый.

Красная кошка. Она вскакивает на кочку и в упор смотрит на Эльвиса.

Эльвис еле слышно шепчет:

— Сиппан... Сиппан...

Кошка эта когда-то была его. Но с тех пор прошло два года. Ему подарили её совсем маленькой — весной это было, — она даже на лапках ещё не держалась. И он с первых дней растил её и не спускал с неё глаз. Это и вправду был его котёнок.)

Ему не позволили дать имя котёнку. Имя ему дала мама, но это неважно. Котятам всё равно, как их ни зови.

И Сиппан принадлежала ему одному. Мама хотела было взять её себе, как она потом сделала с пёсиком Сессан, но ничего у неё не вышло. Сиппан не далась. Она такая же, как Эльвис: любит сама быть себе хозяйкой. И всё же она считала себя котёнком Эльвиса, вот что чудно. А маминым котёнком она не хотела быть. И сколько мама её ни ласкала, Сиппан всё равно к ней не шла.

Эльвису Сиппан была ближе всех на свете. Никого он ещё так не любил, как её.

И вот он в первый раз видит её этим летом.